ISBN 978-5-6046625-1-9

Литературное объединение

Серия «Срез»

Книга двадцать седьмая

Стихотворения

Алексей Пурин • АСТРЫ

27

Алексей Пурин

Астры

Книга новых стихов

Алексей Пурин

Алексей Пурин

Серия «Срез»

Книга двадцать седьмая

Литературное объединение

Москва

2021

УДК 821.161.1-1 Пурин
ББК 84(2=411.2)6-5
П 88

Литературное объединение

Алексей Пурин. Астры

Книга новых стихов. — Москва: издательство «СТиХИ», 2021. — 64 стр. с илл. — Серия «**Срез**». Книга двадцать седьмая. Книжные серии товарищества поэтов «**Сибирский тракт**».

ISBN 978-5-6046625-1-9

Алексей Арнольдович Пурин (род. в 1955 г. в Ленинграде) — поэт, эссеист, переводчик, издатель стихотворного наследия Н. Л. Уперса. С 1989 г. заведует отделом поэзии, а с 2002 г. также и отделом критики петербургского журнала «Звезда». В 1995—2009 гг. — соредактор литературного альманаха «Urbi» (Нижний Новгород — Прага — Санкт-Петербург; вышли в свет шестьдесят два выпуска). Автор восемнадцати стихотворных сборников (включая переиздания) и трёх книг эссеистики. Переводит голландских (в соавторстве с И. М. Михайловой) и немецких поэтов. Лауреат премий «Северная Пальмира» (1996, 2002), «Честь и свобода» (1999), журналов «Новый мир» (2014) и «Нева» (2014). Произведения печатались в переводах на английский, голландский, итальянский, литовский, немецкий, польский, румынский, сербский, украинский, французский и чешский. Живёт в Санкт-Петербурге.

В оформлении использован фрагмент картины **«Натюрморт с антикварными часами» Эмиля Чеха** (Австрия; 1862—1929).

Дизайн-бюро «Револьверарт»
Делаем преимущества очевидными

© Алексей Пурин, текст, 2021
© Издательство «СТиХИ», 2021
© Анатолий Заславский, портрет, 2008
© Дизайн-бюро «Револьверарт», 2021

Алексей Пурин

Астры

Книга новых стихов

Оле, с любовью

…alternde Astren atmen schwach im Beet.
Rainer Maria Rilke

СТиХИ
книги для чтения
Сибирский тракт и хорошие индивидуальности
Москва

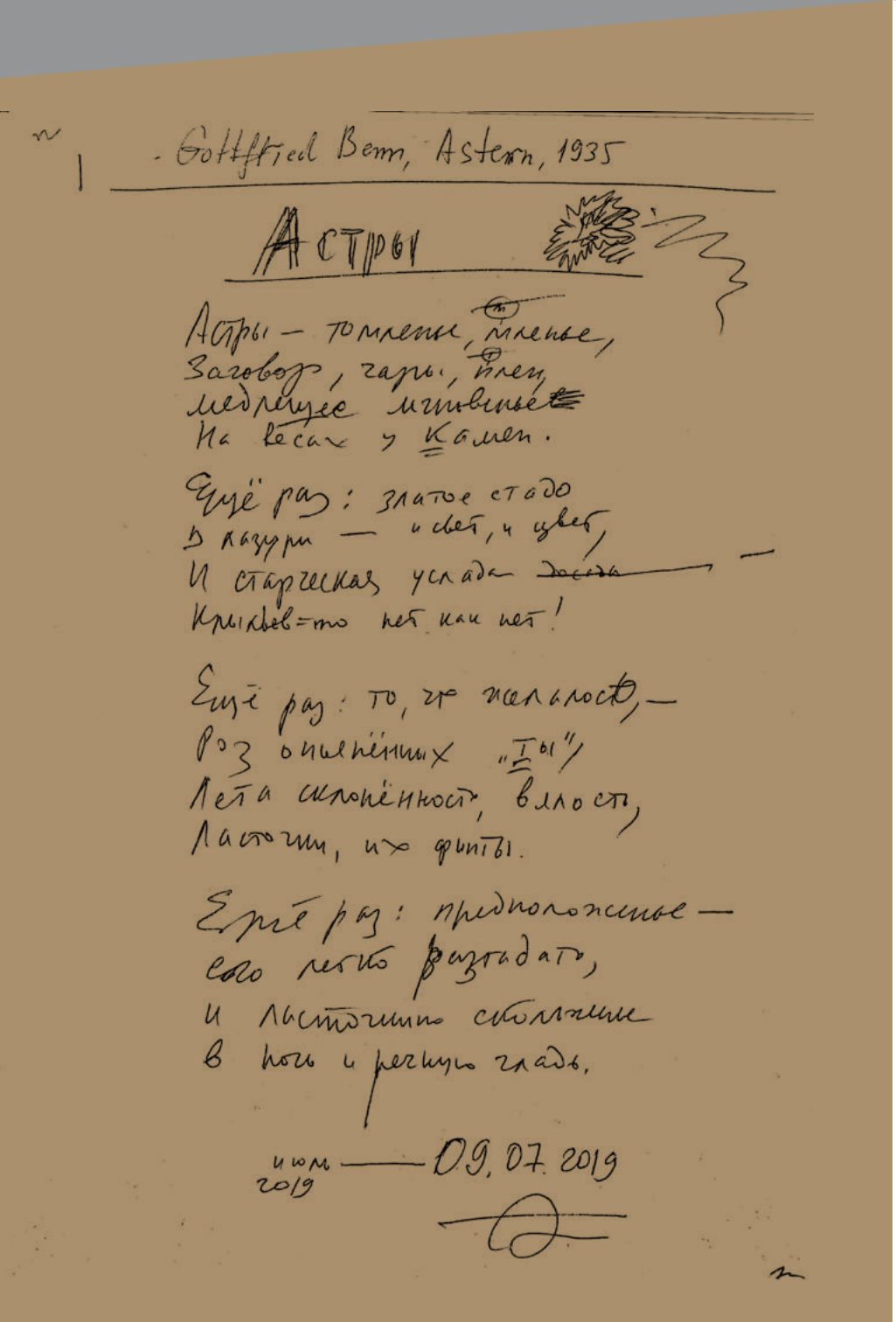
13.08

Астры

1

* * *

Щедрое
~~Поздняя~~ лето. ~~Астры~~ В парке
~~сияют~~, мон сир, в цвету.
Астры, мон сир, в парке, ~~цветы~~ парки.
~~Они~~ ~~цветут~~ ~~в парке~~ ~~цветы~~ ~~парки~~ ~~цветы~~ ~~парки~~ ~~цветы~~ ~~парки


- Gottfried Benn, Astern, 1935

Астры

Астры — томленье, мленье,
Заговор, чары, плен,
медлящее мгновенье
На весах у Камен.

Ещё раз: златое стадо
в лазури — и свет, и цвет,
И старческая услада —
Крыльев-то нет как нет!

Ещё раз: то, что желалось, —
Роз опьянённых «ты»,
Лета склонённость, вялость,
Ласточки, их финты.

Ещё раз: предположенье —
Его легко разгадать,
И ласточкино скольженье
В ночь и речную гладь.

июль 2019 — 09.07.2019

Астры

Астры — томленье, мленье,
заговор, чары, плен,
медлящее мгновенье
на весах у Камен.

Ещё раз: златое стадо
в лазури — и свет, и цвет,
и старческая досада:
крыльев-то нет как нет!

Ещё раз: то, что желалось, —
роз опьянённых «ты»,
позднего лета жалость,
ласточки, их финты.

Ещё раз: предположенье —
но так легко угадать!..
И ласточкино скольженье
в ночь и речную гладь.

(Gottfried Benn, 1935)

* * *

Владимиру Козлову

В Ростове побываю на Дону!
Пусть жизнь почти прошла, ещё одну
поездку удивительную — к Дону,
даст бог, предприниму, увижу Дон,
когда-то Танаисом звался он
и воды мчал до Понта, к Посейдону.

Куплю леща. Услышу голоса
поэтов танаисских. Чудеса
увижу сталинизма — театральный
громадный трактор… Выдержу потоп
почти всемирный: ливень, и галоп
спешащих вод, и как бы лёд астральный.

Промокнут и ботинки, и трусы.
Наутро остановятся часы
наручные… (Питомцу стадионов
привет нежданный, глотке Лужников —
тут в рифму так и просится Лужков —
поэту *тьмы*, любимцу *миллионов*!)

* * *

Благодаря Амелину Максиму,
карелам, вепсам и мордве,
негаданно случились в эту зиму
поездки две.

Я побывал в Петрозаводске, где я
замечен не был тридцать лет.
Дошёл до Повенецкой, молодея, —
отряда нет!

Два года я служил здесь офицером:
стройбат, лесоповал, УПЛО
достойного полковника Вайсеро...
К чертям снесло!..

Шиномонтаж, увы, на месте ратном...
Но город — тот же, что тогда...
Воспоминания о невозвратном —
как глыбы льда!

. . . . . .

Благодаря Амелину, Москвою
прошёлся я, спустя пятнадцать лет.
Прекрасной оказалась и живою.
Прелестнейшей — привет!

Ничуть не постарела, не остыла.
(На *том* мосту земля всего круглей!)
У Питера такого нету пыла,
таких углей!

А клички улиц — эти *вал* за *валом*?!
А церкви — сколько ж было при царе?!
…Благодаря Максиму, «Калевалам»,
обрёл Москву я в этом декабре!

Купил я «Урну» Белого в подвале
«Москвы». Потом беседовал с Куллэ.
Потом мы все в подвале выпивали —
и разошлись весьма навеселе.
(Но не Куллэ!
Уже не пьёт Куллэ!)

Письмо из Москвы. 2084

Здравствуй! Пишу из Москвы, где не бывал полвека.
Кремль побелён, в нём — Главная випитека.
Оба огромных храма, Охотный ряд
преобразивших, с Господом говорят.

По осушённой реке движутся пи-мобили.
В Замоскворечье (помнишь, мы так любили
тихие улочки!) вырос Запретный бор
с Тайным дворцом, похожим на спецприбор.

На Воробьёвых колосс высится государев —
с сакраментальной фразой «Добей, ударив!»,
сказанной им с затонувшей потом «Двины»
в двадцать вторую секунду Большой войны.

На площадях повсюду его портреты:
рыжие бакенбарды, пышные эполеты,
зоркий, как учат в школах теперь, зрачок,
«щмечик» в петлице, чистый воротничок.

Местные жители набожны, но терпимы
(христомуслимы!): всё братья да побратимы;
и иноверцу-русскому скажут так:
«Брат! Кто ж поедет за рупель! Гони пятак!»

Остановился, вообрази, в «Пекине»
(вряд ли кто помнит, что значит названье, ныне).
В доме напротив — посольства всех тех шести
стран, что остались на карте. Засим прости.

* * *

Прийти к какому-нибудь Ойдену —
и так сказать ему: «Увыстан,
гляди, как мною мало пройдено,
как чистый лист мой не залистан!

В ученики к себе бери меня
(я ж по-английски ни бельмеса!) —
пусть поначалу не алхимия,
а просто азбука замеса…»

Но Ойден, накурившись гадости,
напившись мерзости, промямлит:
«Отвянь! В тебе так мало радости.
Да и уже прочитан “Гамлет”».

* * *

Е. Б. Рейну

Разве свинка морская
рока емлет билет?
Нет, важнее — какая
книжка в нужный момент
оказалась в кармане —
барахольная прель,
синтез кармы, и мании,
и спасенья: «Форель…»,
«Новый Гуль» с киноленты ли,
«Сети»?.. Только — с тех пор
Ваши «Данхиллы», «Кенты» и
драгоценный кагор,
ресторанно-шкатулочный
ужас, счастье и жуть
Аониды прогулочной,
подгулявшей чуть-чуть;
а точнее — нетленная,
как стекло, как алмаз,
роковая вселенная,
изумившая нас.

* * *

Ма́ксима, тем самым — аксиома:
жизнь прожить — не Невку перейти
(слишком уж река тебе знакома —
мост стоит, отзывчив, на пути).

Ах, как жаль! Ведь так хотелось этой
ограничиться голубизной-
желтизной, двумя-тремя воспетой, —
белизной сквозной!..

— Нет, давай-ка в дебри нелюдские
забредём, — твердят, — и поглядим,
как с тобой расправятся стихии,
нелюди и люди, нелюдим!

Из Джакомо Леопарди

Брожу вдоль стен я городских и тщетно
на город накликаю непогоду,
чтоб удержать тебя. Но безответно

ночное небо — или, мне в угоду,
крепчает ветер в зарослях, и донный
блуждает гром по сумрачному своду?

О, тучи добрые, о, вихрь взметённый,
о, ливень, дорогая уезжает —
в отчаянье пощады ждет влюблённый!

Пусть буря грянет, пусть уничтожает
меня потоп, пусть растерзают грозы —
разлукой с милой утро угрожает.

Но тает мрак, и бездыханны лозы,
и лес молчит, и первый луч светила
слепит глаза мне — горестный, как слёзы.

Св. Себастьян

А. С. Заславскому, живописцу

I
Он стоит, безмерно одинок,
распростёрт в могуществе, как спящий,
целокупней матери кормящей,
самозавершённей, чем венок.

Стрелы замирают перед ним
и в испуге рвутся прочь от кожи.
Весь — пренебреженье к этой дрожи,
в ликованье он неуязвим.

Лишь на миг окатит, велика,
чистоту зрачков его тоска, —
и они опять сияют, вещи, —
дабы укорить на все века
разрушителей прекрасной вещи.

(Rainer Maria Rilke, 1905—1906)

II
Поместил блистательный мессинец
эту плоть в архитектурный строй,
от симметрии ни на мизинец
отойти не дав ей золотой.

Что герою — боль, то нам — гостинец,
соблазнённым стройностью пустой;
мы — жильцы минутные гостиниц,
он — к Отцу стремится на постой.

…А ещё мне скажет Мастер цвета
и соотношенья: «Посмотри,
сколь там низок горизонт, — а это
прибавляет роста раза в три!»

…Ну представь, что это просто лето…
Просто красота легкоатлета…
Арки, тучки, флагов пузыри…

(Antonello da Messina, 1476—1479)

Цинандали

Вновь я выпил цинандали
через сорок лет.
Да не та лоза в бокале —
молодости нет.

Та пьянила, не горчила,
а теперь, горька,
чуть сочится из точила,
что твоя строка.

И давильщику ногою
не ступить в одно
это очень дорогое,
бодрое вино.

. . . . . .

Помню княжеского сада
сладостную сень —
что́ ещё на свете надо
в знойный летний день!

А хозяин был поэтом,
вроде нас с тобой, —
но при этом, но при этом
крови голубой.

Век стоял вегетарьянский
(Персия не в счёт).

. . . . . .

Над долиной Алазанской
время не течёт.

Снова щедрый кахетинец
(сказка или быль?)
протянул тебе гостинец —
полную бутыль.

* * *

А. Ш.

Близ Савёловского вокзала
ночевал раз пять или шесть
у приятеля: баловала
Златоглавая нас как есть.

Там и парк недалёк Петровский-
Разумовский во всей красе…
Был приятель поэт московский —
с телевиденья и вообще…

Но стихи его были любы,
не похожие на мейнстрим:
как он юбку у тёти Любы
спёр примерить… про боль… про грим…

Спи, мой гостеприимный Саша!
Надо думать, Господь простит
все твои прегрешенья, даже
тот смешной «тётилюбин» твид.

Нарцисс

Итак, освобождаясь от меня,
уже чужое, в предвкушенье леса
оно уходит, не имея веса, —
ещё не враг, но недруг, не родня.

Оно, сияя, поспешает прочь.
А я недвижим, пусть и убываю.
Стираются черты мои, я таю —
и растворенья мне не превозмочь.

Я — снящийся, не знающий тенёт.
Я — косточка, дошедшая до точки,
теряющая мякоть. Я — разлёт
куда-то прочь всех точек оболочки.

Но до поры ещё не рвется нить,
дрожащая несбыточной мечтою:
в какой-нибудь красавице родить
предчувствие — но это всё пустое —

поскольку *чем* предстану перед ней?
Всё кануло в беде, бегущей мимо.
И плоть моя в венце из роз видней
теперь в зерцале вод, не находима

в оставшемся — в безмысленном песке,
остывшем и оставленном навеки.
Ещё я вижу всё как бы сквозь веки,
но всё безлюбо, всё на волоске.

Под равнодушным холодом светил,
став обликом, разлившимся по глади,
соблазн и страх безвольно кинув сзади,
плыву в забвенье, пущенный в распыл.

(Rainer Maria Rilke, 1913)

Разрушенные сонеты

I

Мне ну́жны воздух вольный и широкий…
П. А. Вяземский

Как верно он сказал! О Коктебеле,
к примеру, или Ницце… Неужели
и Пушкин лишь об этом: «тут и там»
скитаться и дивиться красотам

природы и искусств?.. Поднаторели!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

…Из Пиндемонти, из Скиапарелли:
«Спасибо вам, вы хорошо горели!»
(Тарковский, умудрён не по летам)…

…А к морю всё стремился Мандельштам…
Темно, читатель? Ну, сейчас включу:
«Я жить устал — я прозябать хочу!»

II

Здесь груды валенок и кипы кошельков…
Василий Комаровский

Спасибо Комаровскому за вазу,
конечно же — аттическую (Китс),
за оду!.. Так непросто водолазу
очистить влажный глаз от небылиц —

и оседлать волну зеленоглазу;
за перлами (отнюдь не по приказу
Зуриты Педро) он сигает ниц…
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
…Но что за граф! Ему б на рынок сразу —
купить ватрушек, пряников, яиц…
Да, он и тут умело строит фразу…
не воспарив ещё до речи птиц.

III

Не пожелал отречься от отца —
и в штольню вместе с родичами брошен.
…А стихотворцем мог бы стать хорошим,
родись он чуть подальше от венца.

Пушок нимфеток, бабочек пыльца…
И он столетьем был бы огорошен —
и жил бы тем же эмигрантским грошем,
не потеряв и в бедности лица.

. . . . . .
Жестокий век кровавых лотерей!
По статусу, но всё же не по блату,

он галисийских избежал полей,
но принял за Романовых расплату —
единственный на свете князь Палей.

* * *

В вычурной Испании такое
странное барокко, как во сне,
запредельным чем-то беспокоя,
в роковой плывёт голубизне:
осознанье страшного наклона,
ощущенье холода в груди…
Подсознанье — это Барселона,
Пикассо, Эль Греко, Гауди…

А сознанье — это Апенинны:
вечные тосканские холмы,
те зеленоватые долины,
что к утру рождаются из тьмы
всякий день, — прямая антитеза
мистике, связующая нить
смысла: не Авильская Тереза,
а Франциск Ассизский, может быть.

…Для чего я этой ерундою
потчую читателя? К чему?
Каждый миг ему грозит бедою,
как и мне: обрушимся во тьму,
где не будет сладостного края —
Пиренеев, Альп и Апеннин,
Бежецка, Торжка, Бахчисарая…
Только Бог неведомый один.

* * *

Deus conservat omnia

Всё сохраняется — гербарий
и драгоценный саркофаг,
дивидиромы дивных арий,
мыслехранилища бумаг,
секрет желёз, секреты наций,
и сталактит, и сталагмит,
инскрипты, перечни реляций…
Лишь душу Бог не сохранит.

Бог сохраняет всё — руины
Равенны, Рима, гул Ла-Скал,
громады гор, простор долины,
холмы Тосканы, что искал
в тоске, не дочитав Назона…
Души же призрачны черты —
хранить их Богу нет резона.
За душу отвечаешь *ты*.

Стрельна

Ты купался в Стрельне в былые годы,
а теперь туда и не сунешь нос.
Стало меньше, как ни верти, погоды.
Но прожиточный минимум, да, возрос.

Загорал со студентками там, флиртуя
(пролетело полвека — нет, сорок лет),
где теперь, должно быть, торчит статýя —
кифаред-мусагет-дорифор-атлет…

Винотека там нынче, пинакотека,
глиптотека, библиотека там —
не какая-то блоковская аптека,
чтоб в неё захаживал всякий хам.

Ни гулящих дев, ни курсантов пьяных
у дворца — охрана да этикет…
Завалялось, может? Пошарь в карманах…
Ничего, кроме дырок, в карманах нет.

* * *

Древнего кладбища склады и клады,
полные зелени, тени, прохлады;
прочная кладка — кирпич к кирпичу;
тесные заросли камня и мрака;
не разобрать в этой дрёме ни знака;
к золоту букв не пробиться лучу…

Не такова ли и библиотека —
кладезь незнанья, безверия Мекка,
атлас неведенья, разума сон,
энциклопедия без содержанья,
тысяча двадцать шестое изданье?..
Стол сервирован на сотни персон…

Что за нелепица! — на миллионы,
на биллионы!.. Повсюду колонны,
башни-руины… Дорога в Аид!
Бред Пиранезиев — Appia via.
Альбрехта Дюрера «Меланхолия»…
Твёрже Горация. Вечно стоит.

Дрын драгоценного нобелиата
óтчего. Сказано: Земли Заката.
Кладбище подле залива. Овал
сини. Колёса могучей машины.
Следствие впредь не имеет кручины.
Пеною здравья взрывается вал.

Сонет с кодой

[В голубом Эфира поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плывёт в гондоле
С догарессой молодой.
Догаресса молодая]
дремлет, к мужу припадая:
да, дедуля, ну так что ж?..

«Отчего плывем в гондоле —
“Бучинторо” нету, что ли?.. —
полубредит сонный дож:
— Нет, галера не годится…
Кровь людская не водица…
Жизнь не стоит и гроша…
Догаресса хороша…»

Льётся песня. Сладко спится.

Астры

Александру Бондаренко

I
Щедрое лето. В парке
астры, мон женераль,
яростны, ярки, жарки.
Им ничего не жаль.

Всяк в опьяненье зноя
флейте военной рад —
братство не показное! —
Ланн, Богарне, Мюрат…

Чем же и заниматься
слугам царя — царям,
как не с царями драться,
земли кроя по швам?

Впрочем, не столь кровава
ваша, мон сир, война.
Вас осенила слава.
Вас не томит вина.

Ульма, Аустерлица
всходят посевы все.
Как же не веселиться?
Лето во всей красе.

II
Тоже ещё не вечер.
Но у ворот Москвы
вы не дождётесь встречи,
мой генерал, увы.

Брошенная столица
в сладком, как сон, дыму…
Стоит ли веселиться —
что-то я не пойму?

Красная площадь, белый
Кремль, синева — ну флаг
славный французский, смелый…
Но не пойму никак!

Варварские реченья
странны — Tarutino
и Winkowo; значенье
их для меня темно…

Перья царя Мюрата
издалека видны.
Мясо, листва салата…
Пир посреди войны…

Маршалу машет конный
шляпой, чуть слышен клич —
братский, почти влюблённый…
«O! Miloradovitch!»

Замершее движенье…
Боро… дино… вино…
Сонное наважденье —
словно в немом кино.

III
Осень. И, точно взрывы,
скажем, при Ватерло —
ясени, клёны, ивы…
Что ж, тебе повезло!

Мир, как парад последний, —
ярок, горяч, игруч.
Прежних удач победней
жаркий прощальный луч.

Вспомни Фламмариона:
в вечность летящий миг…
Полный урон. Но крона
краше картин и книг.

Праздник прекрасный, здравствуй,
где — пока наяву —
каждый с нагрудной астрой —
Ней, Массена, Даву!..

Завтра — дремота тлена,
плен и — в луже плевок —
крошечная Елена,
чёрт-те где островок.

Ахилл, Ликомед, Одиссей

Барельефы античного саркофага

Алексею Машевскому

Голос:
На прекрасный Скирос приплывает,
хороним Фетидою, Ахилл.
О войне вскипающей не знает
он, безус, как девица, и мил.

В гавани его встречает стража.
Во дворец, каких не видел свет,
входит он, и вносится поклажа
и дары, чтоб жить здесь много лет.

Он — с письмом Фетиды к Ликомеду:
«Царь! Спаси ребёнка моего!
Спрячь от всех. Любую скрой примету,
чтоб никто не опознал его…»

И рабы, творимому не рады,
отбирают у Ахилла меч,
облачают в девичьи наряды,
прикрепляют локоны до плеч.

Хода нет ему из гинекея.
В комнатах для царских дочерей
прясть ему и вышивать, тупея…
Ни Арес не тронет, ни Нерей…

Боги! Лишь недавно он с Хироном,
доблести учителем, скакал,
метким луком снаряжён, по склонам,
воздух ослепительный вдыхал…

Саван, а не женская туника!
Тянутся бессмысленные дни.
Мотыльком сложила крылья Ника
в мёртвой алебастровой тени.

Хор:
В трепете жил
юноша жил,
был туже лука;
очи — магниты…
Смертная скука!
Бег сердца замер,
юноша умер.
Плачьте, Хариты!

Голос:
Но мужам-воителям сивилла
говорит: «Успешен будет бой
лишь притом, что смелого Ахилла
вы возьмёте в Азию с собой».

И, как псы жестокой Артемиды,
Одиссей с товарищами след
ищут, на мальца имея виды, —
и найдут, сомненья в этом нет.

Вот их корабли под парусами
сквозь бойницу видит Ликомед.
Вот дары их. Вот они и сами —
здравствовать желают сотню лет.

«Тканей, царь, мы привезли немного
и оружья знатного. Прими.
Море бурно. Нелегка дорога.
Отдохнём в тиши твоей семьи».

Пир назначен к ночи. Перед пиром
в перистиле — нега да уют! —
женщины заморским сувенирам
должное вниманье отдают.

Все довольны — девы, мореходы,
царь, царица; мёд не сходит с губ…
Только вдруг (гостей уловка) своды
оглашает звук военных труб.

Нападенье! Девушки в смятенье.
Но за меч хватается одна
(так к свеченью тянется растенье).
И улыбка Утиса видна.

Хор:
Славен Зевес,
мальчик воскрес!
Прочь этот саван!
Туже, чем лук.

Крепче, чем меч.
Мужество плеч.
Твёрдая речь.
Богу он равен.

Голос:
Будет всё — невиданная Троя,
гнев небесный, сладость битвы, страсть,
торжество коварства и разбоя,
драка псов за золото и власть,

гибель друга, бой, что лют и жарок,
тело, распростёртое в пыли,
вероломных эллинов подарок,
спрятанные в бухте корабли,

берег, погребальными кострами
озарённый (сколько дров и жил!),
и пиры, и песни вечерами,
Смерть сама… А значит: жив Ахилл!

Хор:
Отпрыск Пелеев
славы вкусил.
Сгинула Троя.
Смерть не страшна,
если она
на поле боя
примет героя.
Вечен Ахилл!

* * *

Ей рано нравились романы…
Пушкин. Евгений Онегин. Гл. 2

Раскрывается книга,
озаряется ночь, —
мы с тобою, амиго,
очутиться не прочь
в «Наутилусе» Немо
посредине Бермуд…
О, фонема-морфема,
чтенья сладостный труд!

Вроде Лариной Тани
(ах, какой звукоряд
в этой строчке!), в аркане
я запутаться рад, —
в паутине сюжета…
Полыханье страстей —
что мерцанье просвета
в анфиладах затей.

С нами честное слово,
с нами верный роман, —
для живого улова
нам открыт океан, —
растворяются строки,
воплощаются сны, —
мы вступаем, как боги,
в дебри дивной страны.

На загадочной карте
притаившийся крест.
Мы в пылу, мы в азарте, —
направленье — зюйд-вест!
По компа́су, секстану
точно выверен путь…
Книгу пишут по плану.
Жизнь живут как-нибудь.

Не скажу им «прощайте»
на краю бытия —
фолиантам сладчайшим —
«до свиданья, друзья!»
Или Даль не расслышал
эту гулкую даль —
обещание свыше:
смерть — всего лишь деталь?

Carte postale

Е. В. Невзглядовой

…мучит меня эта дорогая загадка.
М. Кузмин

А вот открытка, на которой
сосредоточим интерес, —
в ней всё таится, как за шторой…
Написано: «Христос Воскрес!»

(Верней: «Христос Воскресе!») Дале —
уверенное «М. Кузьминъ».

Зачем тут ерь? Чтоб мы гадали?
Лукавство прячется в детали,
в игре причудливых причин…
Кому, куда — не указали.

И текст четырнадцатым годом
датирован — веков Рифей!

…В тунике Собинов-Орфей
(земляк, годок) поёт под сводом
айдесским, в сумрачной тени —
открытку лишь переверни…

Кого картинкою такою
поздравил с Пасхой наш поэт?
Кому он начертал привет
своею дорогой рукою?

«Воистину Воскрес!» — в ответ
гудит почтовый над рекою.

* * *

Римские базилики с вокзалами
схожи — так же людно, тот же гул…
Полон зал наехавшими галлами,
на баул сменившими аул, —
даками, и готами, и гуннами?..
Или здесь отъезд в иную даль —
вздохи под пролётами чугунными,
рельсов ускользающая сталь?..

«Tempio di Mecenate». Ottobre 2013

Александру Леонтьеву

Тот ресторан легко найти на карте —
на Эсквилине, к замку Мецената
почти впритык, на Largo Leopardi
(его стишок я перевел когда-то), —
конечно, в Риме, мудром без извилин —
и тем прекрасном (сказано не нами), —
но не прозренье раздобывший филин,
а Аннелиза (как не верить даме!?)
мне это посоветовала место:
великолепнейшая, дескать, паста…
Увы, искусство повара до жеста
уже свелось артиста иль гимнаста
на променаде: эй, гони монету! —
и лучшим блюдом оказалось вымя
коровье — пища нищих (слаще нету!)…
Так провели октябрь мы в Вечном Риме.

На склоне лета

I
Сад рдеет барбарисом розоватым
на склоне лета, астр редеет рать.
Желать всего, ничем не обладать —
удел того, кто днесь не стал богатым.

Тот, кто не в силах глаз смежить на миг,
дабы великолепье ликов зримо
из темноты полночной, не из книг,
ему явилось, им самим творимо, —
тот глух и слеп, что конченый старик.

Часы его бездарны и пусты;
всё, что он видит, ложно и темно;
и для него, Господь, лишь камень Ты,
неодолимо тянущий на дно.

(Rainer Maria Rilke, 1901)

II
Пора, Господь! Был долог летний зной —
брось тень свою на гравий циферблата
и в кущи сада ветр впусти сквозной.

Пусть совершенным станет вертоград:
даруй ему сверх меры двое суток,
дабы добрал за этот промежуток
последний сахар щедрый виноград.

А кто за лето не построил дом —
тот одинок: он ночи переводит
на длинное письмо, читает, бродит
в огромном парке, мрачном и пустом,
где листопадом осень верховодит.

(Rainer Maria Rilke, 1902)

В старой империи

I. 1976

А. П.

С приятелем в студенческие годы
в театры, а не только в кабаки,
ходили. Был приятель меломаном
и театралом, хоть и мизантропом
(родился в Омске, а живёт в Торонто).

Любил вино грузинское сухое —
цоликаури, мцване, цинандали,
эрети, макузани, телиани,
вазисубани, усахелаури,
чинури, гурджаани, оджалеши
(оно послаще чуть), напареули,
кварели, тибаани… Боже мой!..

На Петроградской дивный уголок
тогда существовал — кафе «Мерани»,
где были и шашлык, и бастурма,
цыплята табака, сациви… Ладно,
проехали… Какие коньяки
тогда выдерживали на Кавказе!
Теперешним французским не чета.

Театры тоже были по карману.
И даже чуда тамошних буфетов —
шампанское («Абрау», «Новый Свет»),
и чёрная икра, и осетрина —

всё то, чего иначе не достать
не только ленинградскому студенту.

…И вот я помню Кировский театр
(до ленинцев и после — Мариинский).
Мы — во втором ряду. А в царской ложе —
Г. В. Романов, член Политбюро,
глава обкома, Агостиньо Нето,
Анголы братской первый президент…
Заставили подняться и похлопать.
Похлопали — ну что же, не беда,
занятно даже.

Худшее случилось
в антракте. Мы шагали торопливо
к буфету вожделенному. Как вдруг
ещё в фойе два низеньких (точь-в-точь
таких, как в окончании «Процесса»,
как раз тогда прочитанного, Кафки)
в костюмчиках похожих человечка
(ошибки нет: одежда ли, лицо —
всё было строго единообразным)
нам очень шустро преградили путь
и прошептали: «А туда нельзя»…

В тот день балет мы больше не смотрели.

Хотели и Творцу вернуть билеты,
но не нашли ни Кассы, ни Кассира.

II. 1982—1984

В хромовых и в юфтевых (в кирзовых —
иногда) два года протрубил.
Сколько зорь увидел бирюзовых!
Сколько хмурых елей загубил
с солдатнёю на лесоповале
у границы с финнами! Зимой
сколько раз в лесу мы ночевали
на болоте стылом, боже мой!

А ещё ведь валенки забыты
и бушлат, прожжённый за костром…
…СССР не грохнулся с орбиты,
и социализм ещё на слом
не пошёл — в Анголе ли, в Заире,
и Менгисту Хайле Мариам,
замочивший негуса в сортире,
за каким-то хером нужен нам.

Им — Амин! Любили людоедов
в то десятилетье, упырей
старцы-президенты, отобедав
опресноком, — что им царь царей! —
на Потомаке ли, на Москве ли…
…Так молчи, судьбу благодаря,
что твои в Карелии скрипели —
а не в Кандагаре — прахоря.

III. ЗАИРСКАЯ ПЕСНЯ. 1971—1997

Мобу́ту Сесе́ Секо́ —
значит, пойдёт далеко,
непобедимый воин —
Куку Нгбенду — силён,
о! — ва за Банга — он
славных побед достоин.

Неодолим, как лев,
неумолим — и гнев
бледных гиен Астарта
чует его, дрожа:
не нужно ему ножа
в пилотке из леопарда.

Он — сокрушитель зла.
После него — зола.
Влит в золотые латы.
Любит его народ.
<Но всё равно помрёт
он от рака простаты.>

IV. 1981
Чёрт знает чем я занимался в жизни.
К примеру, проектировал заводы
кирпичные. Недолго, года два.
Но побывал за этот краткий срок
во многих городах родной державы —
от Вильнюса до Екатеринбурга
(Сибирью занимались москвичи).
И странно: коль в Архангельск — в январе
изволь лететь, коль в Грозный — так в июле.

В Чечне стояла страшная жара.
В гостинице чудовищной, конечно,
не слышали о кондиционерах;
зато всю ночь шуршали мотыльки,
порхали у лица, стучали в стёкла…
Впервые я увидел, как сидят —
на людных остановках, например, —
на корточках суровые мужчины,
включая тех, что в дорогих костюмах
и галстуках… (Потом и к нам пришло
поветрие такое — в девяностых.)

Коллегой местным приглашён в театр
я был, но помню только духоту…
После спектакля, впрочем, прогулялись
бульваром, водки выпили в «отеле»
(проектировщик был христианином).

С утра махнули в славный Ножай-Юрт
на ведомственном газике — коллега,
я и водила, тоже русский… Горы
великолепны, что и говорить!..
А жители — щедры, гостеприимны!..
В райцентре нас встречала председатель
райисполкома, девушка совсем
(киношный мне припомнился кавказец:
«Спартсмэнка, камсамолка!..»).

Тотчас нас
в столовой накормили-напоили —
и, помню, я порядком захмелел.
А потому, когда на горный склон
привёз нас паренёк на мотоцикле
с коляской и сказал: «Вот здесь завод
кирпичный мы планируем поставить», —
расхохотался: нужно полгоры
снести, чтоб уместить здесь нашу печь
туннельную длиною в двести метров
(иных печей нам ГОСТ не дозволял)…

Проект заглох… Что с девушкою стало —
подумать страшно — десять лет спустя…

Недавно обнаружил в Интернете:
завод таки построили — простой,
как в прежние столетья, без размаха,
присущего столичным институтам

и строгим государственным стандартам.
Разрушили. Потом восстановили.

А нам тогда в обратную дорогу
бутыль вручили чачи и закуску —
баранину, домашний сыр, чеснок…
За что — бог весть…
А вы — «Хаджи-Мурат,
Хаджи-Мурат»!.. Да сам Шамиль бы запил
в стране социализма развитого.

* * *

Благодаря Алёхину я снова
три раза посетил Москву —
узрел кумир Владимира Святого
я наяву!

В автобусах объехал «А» и «Б» я
давно любимые края —
и дюжину высоток Ниобея
явила мне, бахвальства не тая.

Москва прекрасна! Даже если сдуру
роскошествует. Ладно. Дай ей бог.
Никто пока её клавиатуру
настроить к лучшему не смог…

Успею за два дня на три фуршета,
не говоря про букеровский стол, —
о, чудо это:
сколь плодоносен русский наш глагол!

А сколь обилен, сколь ль он хлебосолен,
наш стольный град!
И сорок сороков в нём колоколен,
как при Димитрии, звонят.

* * *

Михаилу Щербакову

Знаю, в Италии этаких нет.
Были когда-то:
Данте, Петрарка… терцина, сонет…
Время заката.

Да и у нас это *тише воды*,
ниже травы, как велели
за полчаса до великой беды
лучшие нас менестрели…

Важно ли, что под рукою поёт —
скрипка, гитара,
грифель, перо?.. Или — только полёт
чистого дара?..

Будем довольны же тем, что дано
малое это
чудо искусства, покуда оно
теплится где-то.

Голос в хоре

Павлу Крючкову

Пластинка должна быть хрипящей…
Владимир Соколов

Дорогой переделкинский житель,
сквозь помехи расслышавший зов, —
посему собиратель, ревнитель
и хранитель живых голосов, —
бестелесных, но чудом звучащих
в этом мире, где гибель всерьёз
порождает в стихах настоящих
гармонический проливень слёз —
и дарит нас надеждою, ибо
твёрдо верим: ничей не забыт
голос в хоре, и символ наш — Рыба,
что, поправ немоту, говорит.

Марш Радецкого

Ах, лошадки, вижу, не такие,
как в шарманке Штрауса-отца!
И австрийцы, всадники лихие,
не похожи тоже на скворца

в нотной клетке — тонкой, золочёной
(или — на кузнечика скорей), —
в проволоке, скрипками кручёной
с росчерком заправских писарей…

Мастерски гарцуют, молодецки.
Но смычки проворней в сотню раз!
Да и сам фельдмаршал граф Радецкий,
весь в алмазах, — всё же не алмаз.

Позолота белого мундира,
вислый ус да алый воротник…
Сразу видно: с детства был задира…
Очень стар, но жизнь — всего лишь миг!

Помнит ли при Треббии и Нови
битвы, где командовал, суров,
вскинув хохолок и сдвинув брови,
их союзник русский — Souvoroff?..

На плацу огромном перед Бургом
что ни утро — смотр или парад
(зримый мир придуман демиургом;
спит Господь, творимому не рад).

Плоть жалка!.. А музыка не знает
ран, гангрен, культей, смертей… Она
только ввысь взлетает, только тает —
пустотой беспамятной полна.

Против теченья

С. Н.

Верно, не помнишь, раз умер, как ночью,
все утопив колебанья в вине,
в даугавпилсскую темень сорочью
в Западной лунной купались Двине.

Аэродрома не помнишь, похоже,
раз уж ты мёртв, за околицей дач —
ну и, конечно, мурашек по коже
от дерзновенных и жадных удач.

Прикосновений воды и махровой
ткани — раз нет тебя в мире, увы, —
напрочь не помнишь в субстанции новой —
локтя товарища, мокрой травы…

Не различаешь с незримой орбиты
дачный посёлок, тропинку к реке…
Все изумленья тобой позабыты,
смыты следы — как на донном песке…

Соревновались в строптивом заплыве
против теченья, сносившего нас
к западу, — помню я, будучи вживе, —
к землям, закат чей тогда не угас.

А на востоке чернела громада
звёздного неба — и жизнь впереди
нам представлялась безмерной… Не надо!..
Сердце размеренно билось в груди.

…Чуть не полвека с той ночи проплыло.
Скоро не вспомнит никто никогда
броского брасса и братского пыла.
Всё утечет, как речная вода.

Содержание

Астры *(2019, из Готфрида Бенна)* 7
«В Ростове побываю на Дону!..» *(2015, 2016)* 8
«Благодаря Амелину Максиму…» *(2016)* 9
Письмо из Москвы. 2084 *(2013)* 11
«Прийти к какому-нибудь Ойдену…» *(2016)* 12
«Разве свинка морская…» *(1994, 2021)* 13
«Ма́ксима, тем самым — аксиома…» *(2016, 2021)* 14
Из Джакомо Леопарди *(1999)* 15
Св. Себастьян *(2017)*
I. «Он стоит, безмерно одинок…» *(Из Райнера Мария Рильке)* 16
II. «Поместил блистательный мессинец…» 17
Цинандали *(2017)* 18
«Близ Савёловского вокзала…» *(2018)* 20
Нарцисс *(2000-е, 2016, из Райнера Мария Рильке)* 21
Разрушенные сонеты
I. «Как верно он сказал! О Коктебеле…» *(2017)* 23
II. «Спасибо Комаровскому за вазу…» *(2010-е)* 24
III. «Не пожелал отречься от отца…» *(2018)* 25
«В вычурной Испании такое…» *(2018, 2021)* 26
«Всё сохраняется — гербарий…» *(2019)* 27
Стрельна *(2019)* 28
«Древнего кладбища склады и клады…» *(2019)* 29
Сонет с кодой *(2019)* 30
Астры *(2019)*
I. «Щедрое лето. В парке…» 31
II. «Тоже ещё не вечер…» 32
III. «Осень. И, точно взрывы…» 33
Ахилл, Ликомед, Одиссей. *Барельефы античного саркофага (2019)* 34
«Раскрывается книга…» *(2019)* 38
Carte postale *(2020)* 40
«Римские базилики с вокзалами…» *(2021)* 42
«Tempio di Mecenate». Ottobre 2013 *(2021)* 43
На склоне лета *(Из Райнера Мария Рильке)*
I. «Сад рдеет барбарисом розоватым…» *(2020)* 44
II. «Пора, Господь! Был долог летний зной…» *(1900-е, 2021)* 45
В старой империи *(2021)*
I. 1976. «С приятелем в студенческие годы…» 46
II. 1982—1984. «В хромовых и в юфтевых (в кирзовых…» 48
III. Заирская песня. 1971 —1997 49
IV. 1981. «Чёрт знает чем я занимался в жизни…» 50
«Благодаря Алёхину я снова…» *(2017, 2021)* 53
«Знаю, в Италии этаких нет…» *(2020, 2021)* 54
Голос в хоре *(2021)* 55
Марш Радецкого *(2021)* 56
Против теченья *(2021)* 58

Книги Алексея Пурина

Стихотворения

Евразия и другие стихотворения Алексея Пурина. СПб.: Пушкинский фонд, 1995.
Созвездие Рыб. М.—СПб.: Atheneum-Феникс, 1996.
Архаика. СПб.: Звезда, 1998.
Сентиментальное путешествие / Райнер Мария Рильке. **Сонеты к Орфею**. *Пер. с нем. и примеч. А. Пурина*. СПб.: Звезда, 2000.
Alexej Poerin. **De goudvink.** Vertaald door Hans Boland / Алексей Пурин. Снигирь [билингва]. Dordrecht [Голландия]: Wagner @ Van Santen, 2001.
Новые стихотворения. СПб.: Звезда, 2002.
Неразгаданный рай. СПб.: Звезда, 2004.
Почтовый голубь. Париж—СПб.: Голубой айсберг, 2005 (2-е изд. — 2015).
Сочинения Алексея Пурина (1): Архаика / Евразия. СПб.: Звезда, 2005.
Сочинения Алексея Пурина (2): Новые стихотворения / Райнер Мария Рильке. **Сонеты к Орфею**. *Пер. с нем. и примеч. А. Пурина*. СПб.: Звезда, 2006.
Долина царей: Шестая книга стихов. СПб.: Звезда, 2010.
Ведуты. [Стихи об Италии]. Екатеринбург: Евдокия, 2015.
Почтовый голубь. Собрание стихотворений: 1974—2014. СПб.: Звезда, 2015.

Седьмая книга. СПб.: КОСТА, 2017.
Незначащие речи. Стихи, сочиненные априори. (1973—1975). СПб.: Звезда, 2019.
Незначащие речи. Стихи, сочиненные априори. (1976—1986). СПб.: Звезда, 2020.
Ушебти: Стихи III тысячелетия. СПб.—М.: Пальмира—Rugram, 2021.

Переводы

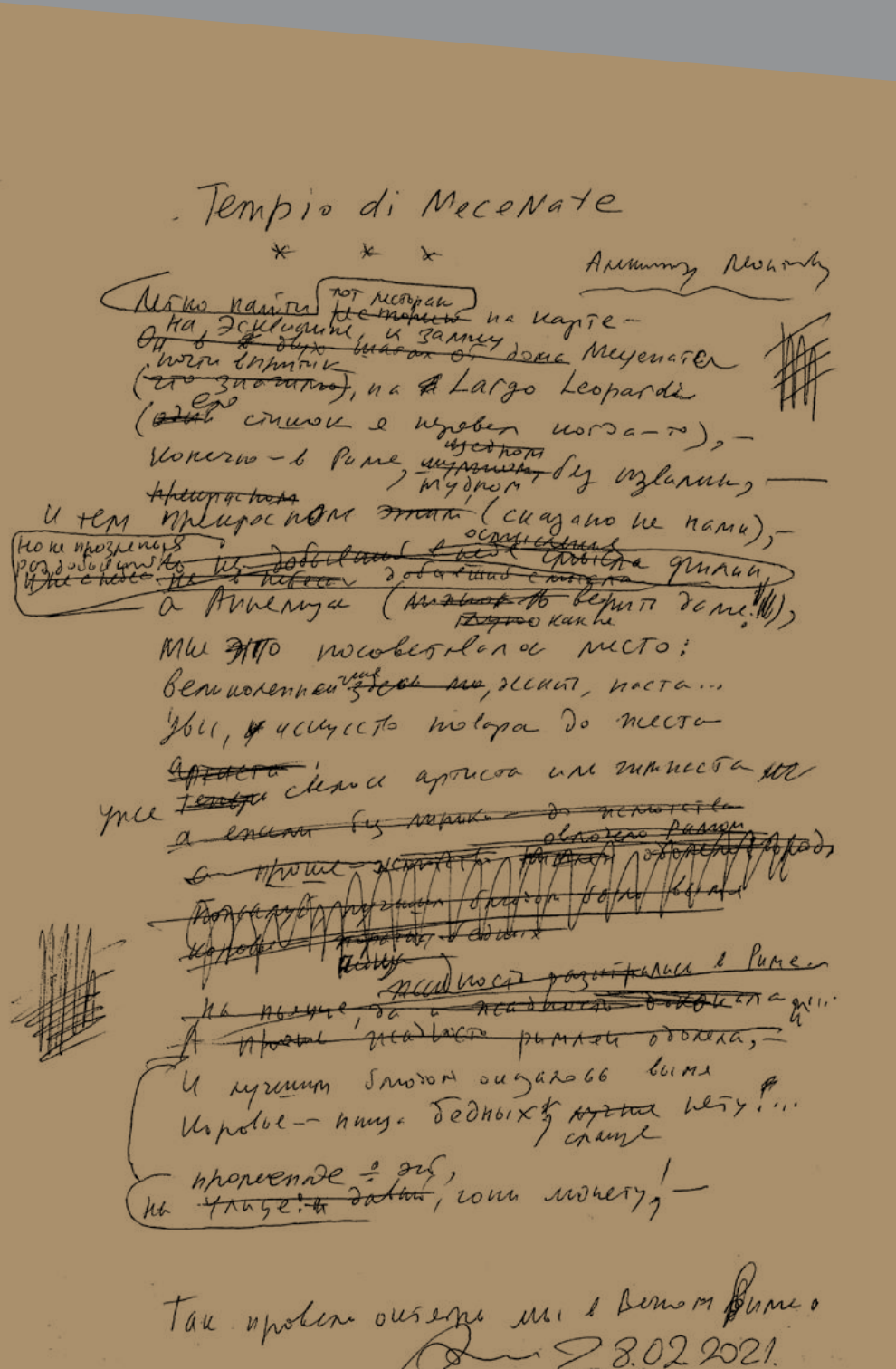
Райнер Мария Рильке. Сонеты к Орфею. *Пер. с нем. А. Пурина*. СПб.: Азбука, 2002.
Мартинус Нейхоф. Перо на бумаге: Стихотворения, поэмы, проза. *Пер. с голл. К. Верхейла, И. Михайловой и А. Пурина*. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003.
Я. Х. Леополд. Стихи. *Пер. с голл. И. Михайловой и А. Пурина*. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2005.
Гвидо Гезелле. Если сердце слышит: Стихи и проза / **Guido Gezelle.** Als de ziele luistert: Gedichten en Proza [билингва]. *Пер. с голл. И. Михайловой и А. Пурина*. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2006.
Геррит Ахтерберг. «Ода Гааге» и другие стихотворения. *Пер. с голл. И. Михайловой и А. Пурина*. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2007.
Калле Каспер. Песни Орфея. *Пер. с эст. А. Пурина*. СПб.: Звезда, 2018.
Калле Каспер. Ночь — мой божественный анклав. *Пер. с эст. А. Пурина*. СПб.: Звезда, 2019

Эссеистика

Воспоминания о Евтерпе. СПб.: Звезда, 1996.
Утраченные аллюзии. СПб.: Звезда, 2001.
Листья, цвет и ветка. СПб.: Звезда, 2010.

Подготовка текста

Н. Л. Уперс. Апокрифы Феогнида. *Подгот. текста и примеч. А. Пурина*. СПб.: Пушкинский фонд, 2005.
Н. Л. Уперс. Апокрифы Феогнида. Несобранное. *Изд. подгот. А. Пурин*. СПб.: Звезда, 2007.



Алексей Арнольдович Пурин
«Астры»

16+

Серия «Срез». Книга двадцать седьмая
Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»
revolverart.ru

Арт-директор, автор макета: Арсений Ли
Главный редактор: Алла Поспелова
Концепт-директор: Андрей Пермяков
Продакт-директор: Елена Фролова
Художник: Анатолий Заславский
Вёрстка: Роман Шишкин
Корректор: Кира Османова
Логистика: Георгий Цедилкин

Бумага офсетная
Гарнитура Minion Pro
Тираж 250 экз.

Издательство «СТиХИ», Москва
141705, Россия, Мытищинский р-н, с. Виноградово,
пер. Ручейный, 17 А
тел.: +7 (926) 221 1816
почта: lee@revolverart.ru

Отпечатано в издательстве ООО «Альфа-Пресс»
170000, г. Тверь, ул. Советская, 15
тел.: +7 (910) 532 1504
почта: alfa-press@mail.ru

Алексей Пурин